

проса, хорошо родил картофель и огородные культуры. Колхоз быстро разбогател, обзавелся скотом. В дома селян пришел достаток. На каждом подворье появился скот. Более предприимчивые крестьяне быстро разбогатели. Так, например, Кузьма Антонович Шевцов держал много скота, который приносил доход, выращивал зерновые и огородные культуры. Хозяин приобрел конную молотилку, веялку, сельскохозяйственный инвентарь, построил гумно, добротный дом с надворными постройками. Семья Шевцовых считалась одной из самых зажиточных.

Волна репрессий докатилась и до глубинки. Кузьма Антонович Шевцов был признан кулаком и отправлен в Магаданскую область, хотя еще до ареста все добровольно отдал в колхоз. Жена Кузьмы Антоновича, Ефросинья Павловна, была под стать мужу – такая же работающая. Это и помогло ей преодолеть трудности. На ее попечении осталось четверо дочерей и трое сыновей. Самому младшему Павлуше, был годик, Анастасии – 17, Прасковье – 15. Они были основной опорой в многодетной семье.

Перед войной в Речечке проживало более 150 человек. Были построены начальная школа, клуб, контора колхоза, зерносклад. В первые дни войны мужчины ушли воевать, некоторые стали партизанами. В августе 1941 года по поселку уже маршировали немцы, устанавливая вдоль дорог и на перекрестках указатели с надписью: «На Москву». Они торопились до наступления зимы захватить столицу.

Потерпев сокрушительное поражение под Москвой, затем на Орловско-Курской дуге, других участках фронтов, фашистские войска начали бежать на запад по тем же дорогам израненной клинцовской земли.

За неудачи и поражения на фронтах фашисты изливали свою злобу и ненависть на мирном населении.

Трагедия в Речечке разыгралась 23 сентября 1943 года. Об этом рассказывали мне сестры Анастасия и Прасковья – дочери Кузьмы Антоновича Шевцова, случайно избежавшие смерти в тот страшный день.

22 сентября в поселок въехали немецкие мотоциклисты. Это, видимо, была разведка. Ничто не предвещало беды. Анастасия в тот день копала картошку. В поле прибежала сестренка Варвара и сообщила, что мать велела уходить в лес.

Под вечер Анастасия с грудным ребенком, сестрами Варварой, Анной и братишкой Мишей ушли в соседний Киров. Прасковья в это время с коровой пряталась в лесу. Мать с шестилетним Павликом осталась в поселке – жалко было бросить хозяйство.

23 сентября появился конный обоз с отступающими немецкими солдатами. На краю поселка установили кухню. Фашисты разбрелись по избам. Они ловили кур, отбирали сало и яйца, дорогие вещи. Оставшиеся в Речечке немощные старики и старухи с малолетними детишками прятались в погребах, копнах сена и ржи. Тем временем немецкий офицер приказал Агафье Шевцовой принести из криницы воды. Источник находился на краю поселка в рощице. Агафья пыталась отказаться, но гитлеровец пригрозил пистолетом и последовал за ней, видимо, боясь, чтобы вода не оказалась отравленной.

Метрах в пятидесяти от криницы в лесу раздался выстрел. Сраженный фашист упал, Агафья метнулась в чащу леса. Это ее и спасло.

Кто же стрелял из засады? По одной версии – партизаны, по другой – полицаи. Мои собеседницы, Анастасия и Прасковья, склоняются к тому, что это были полицаи, пытавшиеся искупить свою вину. Но не это главное. Выстрел обрек жителей Речечки на смерть.

Мать Анастасии и Прасковьи позже рассказала дочерям, что убийство офицера взбесило гитлеровцев. Они метались по поселку, вылавливая теперь уже не птицу, а людей, сгоняли их в избы, а тех, кто убегал, на ходу расстреливали. Наибольшее количество людей затолкали в избу Николая Шишкунова и в сарай Кузьмы Антоновича Шевцова – родительский дом Анастасии и Прасковьи. Затем в окна бросили гранаты, строения облили бензином и подожгли. И так каждый дом, колхозные постройки. В избе Шишкунова спасся лишь девятилетний Коля Исаченко. Он сумел из горящего дома уползти в сарай и спрятаться в погребе. Так и остался жив.

Чудом уцелел и пятнадцатилетний Иван Шевцов.

Дело было так. Фашист факелом поджег дом Шевцовых. Загорелись рядом стоявшие копны соломы. В это время Иван с матерью и несколько соседей прятались в огороде. Фашист заметил, что кто-то метнулся по огороду, и выпустил по бегущему очередь из автомата. От испуга Иван упал в густую ботву и притаился. Немец стал стрелять по нему, но и на этот раз промазал. Убедившись, что поблизости фашистов нет, Иван пополз по картофельному полю в сторону леса. Его движение прикрывал дым, стелившийся по земле.

На некоторое время пальба в поселке прекратилась. Мать Ивана и несколько соседей в затишье перебрались ползком в расположенную поблизости колхозную баню-землянку. Это была трагическая ошибка. Она стоила жизни людям, спрятавшимся в злополучной землянке. В этой же бане-землянке укрылась мать Анастасии и Прасковьи с шестилетним сыном Павлушей. Кроме нее оказались там еще три женщины с малолетними детьми. Женщины считали, что фашисты не заглянут в баню, врытую наполовину в землю. Они и не стали заходить, а прошили ее вдоль и поперек из автомата. Даже поджигать не стали, видимо торопились убраться восвояси из горящего поселка, над которым поднялись огромные клубы дыма. Со всех сторон доносились страшные крики, рыдания, стоны. Но помочь никто не мог, даже сам Бог. Практически горели одновременно все строения.

К вечеру зарево погасло. На десятки километров несло смядом и гарью. Несмотря на темноту, те, кто скрывался вблизи поселка, выходили из укрытий и спешили к родным очагам, не зная еще о том, уцелели они или нет. Другие, находившиеся дальше от поселка, возвратились рано утром следующего дня.

Когда люди вошли в поселок, взору предстала ужасная картина: Речечка была превращена в сплошное пепелище. На месте сожженных домов среди тлевших бревен лежали обгоревшие кости. Невозможно было определить, кому из погибших они принадлежали. Речечка недосчиталась 71 жителя. Каким-то образом сохранились две избы.

Удалось спастись сестрам Анастасии и Прасковьи. Сначала они находились в лесу с коровой-кормилицей, затем ушли в Каменку. Когда немцы и здесь появились, Прасковья снова скрылась в лесу. По дороге встретила Екатерину Сюрко, которая рассказала, что одну ее дочь расстреляли немцы, а вторую, четырехлетнюю, тяжело ранили. Девочка выглядела бледной, ослабленной, то и дело теряла сознание на руках у матери.

В поселке Прасковья отыскала Анастасию, и они отправились посмотреть, что осталось от отчего дома. На пепелище лежали кости сгоревших людей. Опознать было невозможно. Девушки долго плакали, расспрашивали соседей, не видели ли они их мать, полагая, что она, возможно, осталась в живых. Но когда кто-то из подошедших сказал, что в бане лежат убитые женщины с детьми, сестры побежали туда.

Когда девушки вошли внутрь бани, увидели убитых. Среди них находилась их мать и брат Павлуша, а также Елена Сюрко и Елизавета Горошко и еще восемь погибших детей. В луже крови среди трупов лежала раненная в обе ноги Мария Игнатьевна Шевцова, мать Ивана Семеновича, с мертвыми сестрой и братом. Мария, бледная как полотно, еле подавала признаки жизни.

А на другой день в поселок вступили части Красной Армии. На выделенной военными повозке Марию отправили в Стародуб, так как Клинцы еще были заняты немцами. Там осмотрели ее военные врачи и пришли к выводу, что оперировать ее нет смысла: мало надежды на выздоровление. Когда Иван Семенович вернулся из леса, узнал, что мать находится в Стародубе. Запряг лошадь и поехал туда. Врачи медсанбата посоветовали забрать раненую домой из-за безнадежности. Через три дня Мария Игнатьевна умерла.

На месте сгоревшего колхозного двора обнаружили более десяти сгоревших трупов. Было установлено, что там немцы расстреляли беженцев из города.

....Это лишь несколько страшных эпизодов, отложившихся в памяти Анастасии и Прасковьи.

Все, что создавалось и строилось в Речечке в течение 14 лет, было уничтожено за несколько часов. Оставшиеся в живых пребывали в трауре.

Утро 25 сентября оказалось ненастным. По небу плыли черные облака. Порывистый ветер поднимал пыль с пепелища, в воздухе пахло гарью. Слезы людские не переставали литься. Заплакало и небо – пошел мелкий дождик. Лишь в полдень прояснилось, ласково выглянуло солнышко из-за поредевших серых облаков. В тот день проходили похороны. Фрагменты человеческих тел и недогоревшие кости хоронили в общей могиле в гробах, наскоро сколоченных в соседних Теремошке и Каменке. Опознанные трупы хоронили в отдельных могилах. На месте сгоревшей избы Шишкунова, где больше всего погибло людей, поставили деревянный крест, затем – обелиск, просуществовавший много лет.

В скорбный день похорон со стороны Клинцов доносилась артиллерийская канонада и взрывы снарядов. Казалось, солдаты Красной Армии вот-вот придут в Речечку и разделят скорбь и горе с оставшимися в живых. Так и случилось. В полдень части 518 полка 129 стрелковой дивизии вошли в Речечку и вместе с оставшимися в живых жителями приняли участие в траурном митинге. Советские воины поклялись отомстить фашистам за злодеяния. Слово они сдержали.

Началось второе рождение Речечки. Государство выделило бесплатно лес на строительство, желающим выдали беспроцентные ссуды. В 1944 году появилось около десятка новых домов с надворными постройками, возобновил свою деятельность колхоз «Красный герой». Но оказалось, что ненадолго. В 1950 году началось объединение мелких хозяйств в более крупные. Колхоз «Красный герой» не стал исключением. Его присоединили к теремошскому, назвав «Красная Теремошка».

Осиротела речечская земля, обогренная человеческой кровью. Какое-то время она была предана забвению. Лишь гипсовая скульптура напоминала о трагедии сорок третьего года.

Затем на месте селения появился мемориальный комплекс. Бронзовая молодая мать держит за руку малыша. Взгляд мальчишки полон боли. Вверху надпись «Вечная память жителям Речечки, зверски замученным немецко-фашистскими захватчиками 23 сентября 1943года».

В год 40-летия Победы над фашистской Германией силами молодежи Клинцовского района Речечка была благоустроена. На заработанные на субботниках и воскресниках деньги было завершено строительство мемориального комплекса. Архитектор Николай Андрюшин создал проект мемориала, согласно которому возвели две бетонные улицы. Одну – со стилизованными остовами печей, другую – с пустыми дверными проемами и с крылечками. Стихи на памятнике написаны членом Союза писателей России Владимиром Селезевым.

*Остановись, прохожий:
здесь лежат
В могиле братской
жители деревни –
И старики, и женщины, и дети,
Погибшие от рук
фашистских орд....*

На одном из фрагментов мемориала – бетонные ладони, пробивающиеся сквозь тлен из земли. И текст наказа погибших нам, живущим:

*Родимые,
Вы слышите нас, мертвых?
Мы жить хотели:
Радовались солнцу
И вот мы стали
Лесом и травой.
Запомните, живые:
Берегите мир
Во имя жизни светлой.*

Ежегодно в сентябре, в день освобождения города и района от иноземных поработителей, мемориальный комплекс оживает. Сюда устремляются горожане, люди из близлежащих деревень и сел. К памятникам и на место сожженных изб ложатся гирлянды, цветы, звучат призывы свято хранить имена тех, кому не довелось дожить до Победы.

Митинг, посвящённый 70 – летию освобождению Клиновского района 2013 год.

Митинг, посвящённый освобождению Клиновского района 2012 год.

Сюда же приходят и те, кто чудом спасся тогда. Это Н.А. Исаченко. Сестры Шевцовы – Анна, Вера, Клавдия, у которых погибла мать, Фекла Ефименко 35 лет и сестра Маша 14 лет. Не проходит ни одного траурного мероприятия, чтобы не склонили головы перед памятью своих родителей сестры Шевцовы – Анастасия (нынче Барботько), Прасковья, Варвара. Навещают родные места своих родителей их дети и внуки, проживающие вдали от Речечки.

Как же сложились судьбы у сестер Анастасии и Прасковьи, которые нынче являются единственными свидетелями событий?

Анастасия Кузьминична Барботько нынче живет в поселке «Первое мая», Прасковья Кузьминична – в Клинцах. После похорон матери и брата Анастасия, Варвара, Прасковья, Анна и Миша поселились в уцелевшем домике, который немцы не сожгли, якобы, по просьбе одного из полицаев, сопровождавшего немцев при отступлении. В 1946 году Анастасия Кузьминична вышла замуж за односельчанина Павла Степановича Барботько, вернувшегося с фронта.

Более 20 лет Анастасия прожила без мужа в Теремошке. Было у нее большое хозяйство. Все работы выполняла сама, правда, помогали сыновья. Нынче ей 80 лет. Трудно жить одной, одолевают болезни. Вот и переехала три года назад к дочери Валентине в совхоз «Первое мая». Несмотря на преклонный возраст, подвижна, помогает по хозяйству.

Прасковья Кузьминична моложе сестры на три года. В 1945 году вышла замуж за Ивана Семеновича Шевцова, о котором рассказано выше. Трудилась на ферме. Среднесуточные привесы в ее группе почти ежегодно достигали от 800 до 1000 граммов. Ее имя заносилось на районную доску Почета. Награждена медалью «За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов».

После переезда в Клинцы вместе с мужем работала на фабрике имени Ленина. В этой дружной и трудолюбивой семье выросли пятеро детей.

**Святая печаль
Неживого колодца
И боль перелесков пустых.
Как память, встаёт
Каждодневное солнце
Для нас – приходящих, живых.**

**Четырнадцать лет
Для селения мало –
Мгновение, несколько дней.
Обрушилось небо,
Округа стонала
В решающей сшибке идей,**

**Звериная злоба
Вершила расправу
На гневном смертельном огне.
Обычная рота
Для вермахта славу
Добыть постаралась вполне.
В. Селезнёв.**